

ВОПРОСЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ АНГЛИИ В XV ВЕКЕ

Е. Косминский

Если аграрная история Англии известна нам лучше, чем аграрная история любой другой страны Запада, то в этом, несомненно, немалая заслуга принадлежит русской исторической науке. Вопросы ранней истории английской деревни и особенно феодальной деревни XI—XIII вв. разработаны в классических трудах П. Г. Виноградова. XIV в. посвящено исследование Д. М. Петрушевского «Восстание Уота Тайлера». Основы для изучения английской деревни XVI в. заложены монументальными трудами А. Н. Савина «Английская деревня в эпоху Тюдоров» и «Английская секуляризация». Этой же эпохе посвящены труды И. Граната и В. Ф. Семёнова. А. Н. Савин в своих монографиях по истории отдельных маноров проложил пути к изучению «тёмного» XVII в., начатые им исследования только теперь доведены до конца В. М. Лавровским. Центральной проблемой аграрной истории Англии XVII в. — переменами, произведёнными английской буржуазной революцией — впервые специально занялся С. И. Архангельский. В. М. Лавровский поставил на твёрдую почву изучение огораживаний XVIII—XIX веков. Мои исследования по истории английской деревни в XIII в. позволили по-новому подойти к некоторым основным проблемам аграрного развития средневековой Англии¹.

Уже в этом беглом перечислении обращает на себя внимание отсутствие специальных исследований, посвящённых аграрной истории XV века. Небольшой, но очень ценный этюд И. С. Звавича о маноре Аппледрам в XV в. и некоторые места в работах И. Граната и А. Н. Савина — вот и всё, что у нас сделано по этому вопросу. Но аграрная история Англии в XV в. остаётся мало изученной также и в работах английских и других зарубежных историков. И здесь дело сводится в основном к немногим страницам в общих очерках экономической истории и в монографиях по истории отдельных маноров. Лишь за последнее время этим периодом стали интересоваться английские историки и особенно выдающийся историк-экономист М. М. Постан, использовавший значительный архивный материал. С результатом его изысканий я мог ознакомиться лишь по его статьям в «Economic History Review»². Почему XV век так долго остаётся белым пятном в аграрной историографии Англии? Этот вопрос ставился уже не однажды. Дело главным образом в том, что XV век как-то пропадает между XIV и XVI вв., которые кажутся гораздо интереснее и привлекательнее для исследователя. В XIV в. историка интересуют такие явления, как начинающееся разложение маноральной системы, коммутация барщинных повинностей, как «чёрная смерть» и её влияние на судьбы английской деревни, как рабочее законодательство, как восстание Уота Тайлера, как знаменитая поэма Лэнглэнда; в XVI в. — весь тот большой комплекс вопросов, который охватывается понятием «аграрной револю-

¹ См. предисловие к моей книге «Исследования по аграрной истории Англии» (М.-Л. 1947) и статью «Изучение истории крестьянства и аграрных отношений в Англии» в Юбилейном сборнике АН СССР. М.-Л. 1947.

² The Fifteenth Century (Revisions in Economic history). «Economic History Review», May 1939. Some social consequences of the Hundred years war. «Economic History Review». 1942. The rise of a money economy «Ec. H. R.». 1944.

ции XVI века». XV же век рисовался как нечто «промежуточное», когда те течения, которые обнаружилились в XIV в., получают дальнейшее развитие, а те, которые наступят в XVI в., ещё лишь зарождаются. Примерно так трактуется история XV в. в новой обобщающей книге по экономической истории средних веков, в коллективном труде «Cambridge Economic History», первый том которого, вышедший в 1942 г., посвящён аграрной истории средневековой Европы³. В истории Англии XV в. аграрные перемены заслоняются крупными событиями политической жизни: Столетней войной, борьбой феодальных кланов, войной Алой и Белой роз, парламентской историей. Можно указать и другую причину, почему исследователи долго проходили мимо изучения XV в., — состояние источников, требующее долгой и кропотливой архивной работы. Манориальные источники в XV в. становятся краткими и скудными. Много архивов погребено во время междоусобий. Материал приходится собирать по крохам. В этом отношении XIII—XIV и XVI века выгодно отличаются от XV.

Но действительно ли история XV в. так бедна самостоятельными научными проблемами? Конечно, нет. От XIV в. она получает по наследству вопрос о последствиях крестьянского восстания 1381 г., о движении лоллардов. В XV в. происходит окончательное (или почти окончательное) освобождение английского крестьянства, переход вилланского держания в копиголд. В XV в. ликвидируется барщинная система, исчезает доменная система хозяйства. Маркс считал, что XV век в Англии является веком свободного собственного крестьянства. Роджерс характеризует XV в. как «золотой век» в истории английского сельскохозяйственного рабочего. Середина XV в. знает восстание, во многом представляющее аналогии с восстанием Уота Тайлера, — восстание Джека Кэда (Мортимера). В XV в. налицо большие успехи в развитии овцеводства и огораживаний; уже в 80-х годах правительство и парламент принуждены были принимать против них законодательные меры. В XV в. формируется та социальная группа, которая получила название «нового дворянства», оказывала огромное влияние на экономическую и политическую жизнь Англии в XVI и XVII вв. и сыграла важнейшую роль в английской буржуазной революции. Но вопросы аграрной истории непосредственно переходят в вопросы истории политической. Какова связь между разложением феодально-вотчинной системы и той феодальной анархией, которая охватывает Англию, начиная с конца царствования Эдуарда III и до конца войны Алой и Белой роз? Какую роль играет при этом Столетняя война и как причина и как следствие? На какой социальной почве вырастает королевский абсолютизм, который стал складываться уже при династии Йорков и достиг полного развития при Тюдорах? Не говорю уже о том, что историю развития внутреннего и внешнего рынков, историю города, промышленности, торговли, в которых в это время происходят важнейшие сдвиги, невозможно рассматривать в отрыве от проблем аграрной истории. Всё это, как мне кажется, даёт английской деревне XV в. право на особое внимание историка.

Но XV век невозможно оторвать от прешествующего XIV, аграрное развитие которого известно гораздо лучше, но где всё ещё остаётся немало неразрешённых вопросов. Дело в том, что изучение аграрных отношений в XIV в. больше связывалось с хорошо разработанной историей классического манора XIII в., чем с тёмными вопросами неизученного XV века. Так построена, например, книга Д. М. Петрушевского

³ XV век представляется мало интересным и представителям «социальной истории» в английском понимании этого слова, т. е. историкам быта и культуры. Тревелиян («Social history of England», p. 56) отмечает для XV в. «ясно выраженный консервативный характер почти во всех проявлениях жизни и мысли» по сравнению с бурным XIV веком.

«Восстание Уота Тайлера». А между тем XIV и XV века во многих отношениях связаны общей характеристикой, отличающей их как от XIII, так и от XVI века. И здесь мы сразу вступаем в область очень трудных и спорных вопросов.

Вопрос о разложении манориальной системы, о влиянии на этот процесс великой чумы середины XIV в., так называемой «чёрной смерти», и в связи с этим вопрос о причинах крестьянского восстания 1381 г. уже давно поставлены в исторической литературе, много раз трактовались в общих трудах и специальных исследованиях. Основной причиной разложения манориальной системы большинство исследователей считало рост «денежного хозяйства», переход к системе денежных рент («коммутация»), развитие купли и продажи земли, арендных отношений, распадение манориального единства на ряд конкурирующих хозяйств. По-разному оценивалось задерживающее или ускоряющее влияние «чёрной смерти» на этот процесс⁴. В целом разложение манориальной системы оценивалось как явление прогрессивное (хотя бы и с временной задержкой в виде «феодалной реакции»), приводящее к освобождению труда и к его большей производительности, предвещающее дальнейший экономический подъём Англии. По-прежнему ставится вопрос в некоторых новых исследованиях.

Уже давно поставлен Дентоном и теперь развит Постановом тезис об общем экономическом упадке Англии в XIV и особенно в XV веке. Исследования Постака, основанные на изучении документов, касающихся 450 маноров, показывают, что доходность манора в XIV—XV вв. значительно сокращается. Это связано, по его наблюдениям, не только с ликвидацией домениального хозяйства, но и с общим сокращением площади земли под обработкой. Число вакантных держаний и недополученных рент растёт в течение всего XV в., по крайней мере до последней его четверти. Рост займов, столь характерных для XIII в., замедляется в XIV и почти прекращается в XV веке. В то же время наблюдается общее падение ренты. Понижается арендная плата, которая часто делается ниже ренты обычных, снижается даже рента обычных. Падают допускные платежи, иногда очень высокие в предыдущий период, порой они исчезают совсем. В связи с этим падает цена на землю. Получается впечатление большого предложения земли и малого спроса.

Эти наблюдения, в общем, несомненно, верные и подтверждающиеся источниками, позволяют Постанову говорить об «аграрной депрессии», начало которой он относит к первым десятилетиям XIV в., а окончание — к концу 70-х или началу 80-х годов XV века. Эта депрессия ведёт к общему разложению манориальной системы, расцвет которой приходится на XIII век. Постака находит возможным говорить в этом смысле даже об «аграрной революции» XIV—XV веков.

Депрессия наносила сильнейший удар интересам лордов, но была выгодна для крестьянства, увеличивавшего своё землепользование за счёт домена и платившего пониженную ренту. Но в целом, думает Постака, она знаменует упадок народного хозяйства. Вытеснение домениального хозяйства, носившего по преимуществу товарный характер, крестьянским, в основе своей натуральным, заключает, по мнению Постака, тенденцию к сокращению сельскохозяйственного рынка. Упадок распространяется не только на деревню, но и на город: для этого периода характерно сокращение городской торговли (если не считать Лондона, Бристоля, может быть, Саутгемптона). Именно в это время начинается проводиться режим городских монополий, исключение

⁴ Обзор мнений по этим вопросам дан в «Восстании Уота Тайлера» Д. М. Петрушевского. См. также статью В. Ф. Семёнова в сборнике «Средние века». Вып. 2-й. Изд. АН СССР. М.—Л. 1946.

чужаков, регулирования промышленности, строгого контроля над индивидуальной предприимчивостью в противоположность прежним, более свободным отношениям. Во всём этом Постап видит результаты общего падения промышленности и «просперити». В то же время падает и внешняя торговля Англии, причём низшая точка её падения приходится на середину XV века. Торговля со Скандинавией и Пруссией переходит в руки Ганзы, связи с Пикардией, Нормандией и Бретанью приходят в упадок с начала Столетней войны, связь с Аквитанией прекращается с потерей Гаскони. Остаётся лишь связь Лондона с Нидерландами, но и здесь наблюдается упадок главной отрасли английского экспорта — торговли шерстью. Этот упадок далеко не уравнивается ростом вывоза сукна, который начал развиваться в XIV в., но не поднимается в XV в. и даже падает в его средние десятилетия. Развитие отечественного сукноделия и рост его новых центров, по Постапу, далеко не компенсируют сокращения торговли шерстью и упадка старых центров шерстяной промышленности.

Основной причиной «аграрной депрессии» и связанного с ней общего упадка Постап считает убыль деревенского населения, следствием чего был рост предложения на землю, упадок спроса и падение ренты. Общий упадок экономики отчасти может быть связан с событиями Столетней войны, самый тяжкий для Англии период, который относится к XV веку. Налоговый гнёт возрастает во много раз, из страны выкачиваются огромные суммы денег, употребляемые непроизводительно на подкуп союзников, на содержание армий и гарнизонов. Налоги, взимавшиеся натурой, отражались на производстве шерсти и прочих припасов. Военные действия на море, пиратство и территориальные потери разоряли внешнюю торговлю. Но всё же Столетняя война не может дать полного объяснения упадку, который начался раньше неё. Она не может дать объяснения убыли населения, этой основной причины упадка. Равным образом «чёрная смерть» и другие эпидемии могли сыграть известную отягчающую роль, но не могли быть причиной этой убыли. Таким образом, основная причина убыли населения и вызванной ею депрессии и «аграрной революции» остаётся невыясненной.

На этот вопрос пробует дать ответ Солтмарш в статье «Чума и экономический упадок Англии в позднее средневековье»⁵. По мнению Солтмарша, отражающего широко распространённую в последнее время точку зрения, Англия и Европа достигли в конце XIII и в начале XIV в. вершины «средневековой цивилизации» как в смысле материального «просперити», так и в смысле развития культуры⁶. Но в первой половине XIV в. это развитие сменяется остановкой, переходящей в XV в. в упадок, низшая точка которого приходится на середину столетия. Лишь в последнюю четверть XV в. начинается подъём, который ведёт к великому экономическому возрождению тудоровской эпохи. Указав, что подобная кривая характерна и для Европы в целом (в частности отметил остановку немецкого «Drang nach Osten»), Солтмарш ставит вопрос о причине этого явления и находит её там же, где Постап, — в уменьшении количества населения. В XIII в. наблюдается избыток населения, но в следующие столетия явно ощущается его недостаток. Это нельзя объяснить единичным бедствием, как «чёрная смерть», после которой убыль населения должна была восполниться; надо найти постоянно действующую причину, мешавшую приросту населения и временами вызывавшую его убыль. Такую причину автор видит в перманентном заражении Англии бактериями чумы. После 1348 г. чума бытует в Англии эндемически, всё время снижая цифру населения и по временам про-

⁵ Saltmarch J. «Plague and economic decline in England in the Latter Middle Ages». «Cambridge Historical Journal» № 1. 1941.

⁶ См. особенно H o m a n s G. «English villagers in the XIII century». Cambridge (Mass). 1942.

являясь грозными вспышками. Наиболее сильный эффект наблюдается в городах, особенно портовых. Но именно города являются местом сосредоточения богатства, экономического и культурного прогресса, и поэтому убыль их населения должна была оказывать особо сильное влияние на жизнь страны. Середина XV в. была особенно нездоровой. В эпоху Тюдоров наступает улучшение. Автор говорит о запустении ряда деревень в XV в., о выходе из обработки менее плодородных земель. Автор сам признаёт, что его теория основана гораздо больше на предположениях, чем на свидетельствах источников (*far more on inference than on evidence*), и предлагает считать её лишь гипотезой.

Едва ли можно всерьёз принять это биологическое или бактериологическое объяснение экономического развития Англии и Европы в XIV—XV веках. К тому же оно не вполне согласуется с той хронологией, которая была установлена Постановом и по которой начало упадка предшествует «чёрной смерти», по мнению Солтмарша, впервые зачисшей в Англию бактерии чумы.

Об упадке английского сельского хозяйства в XIV—XV вв. говорят и учёные, разделяющие взгляды школы Симпковича, как Бредли, М. Сибом⁷, которые полагают, что причиной крушения манориальной системы было растущее истощение почвы, начавшееся ещё до «чёрной смерти». Крестьянское хозяйство беднело, крестьянин не мог прокормить семью и уплатить ренту. Уже до «чёрной смерти» держания начинают возвращаться в руки лордов. Пахоту продолжать невыгодно, и земли начинают обращаться под овцеводство. Но это объяснение, и теоретически мало правдоподобное, совершенно не подтверждается фактами и в настоящее время может считаться вполне опровергнутым⁸.

Но сокращение населения в английской деревне XV в. подтверждается многими исследованиями, равно как и сокращение или полная ликвидация домена, падение рент и доходности маноров. Об этом отчётливо говорят специальные исследования Мэтланда, Давенпорта, Завича и др. по истории отдельных маноров. Недавняя моя работа, сделанная вместе с В. М. Лавровским по материалам, собранным А. Н. Савиным, показала в гентингдонцирском маноре Бламpton наряду с ликвидацией домена значительное сокращение числа крестьянских держаний, особенно мелких и мельчайших⁹. То же самое явление давно отметил И. Гранат в своей книге «К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии». По его подсчётам, в деревне XV в. значительно усиливается «крепкое» крестьянство, но зато сильно сокращается число мелких хозяев — коттеров. По мнению Граната, в XV в. английская деревня теряет до одной трети прежнего числа хозяйств, хотя эти потери распределены географически весьма неравномерно. Но Гранат вовсе не считает это явление признаком упадка, скорее наоборот. По его мнению, сокращение деревенского населения вызвано отливом его беднейшей части в города, где оно могло найти более высокие заработки. В противоположность Постанову, Солтмаршу и некоторым другим новейшим исследователям, относящим расцвет английского города к XIII в., а к XIV — начало его упадка¹⁰, Гранат полагает, что до XIV в. «торговля и промышленность находились в Англии явно в зачаточном состоянии»¹¹. Города быстро развиваются в XIV веке. В согласии с большинством старых историков Гранат говорит о подъёме внутренней и внешней торговли в XIV—XV вв., о

⁷ Seebohm M. «The evolution of the English Farm». London. 1927.

⁸ Ср. Bennet M. «British wheat yields». «Econ. Journ.», 1935; Lennard R. «Statistics of corn yields in Medieval England» (ibidem, 1936; «Cambridge Economic History»); Завич И. Указ соч.

⁹ «Средние века», стр. 190. Вып. 2-й. Изд. АН СССР. 1946.

¹⁰ См. особенно E. M. Carus Wilson «An industrial Revolution of the XIII century». «Economic History Review». 1941.

¹¹ Гранат И. «К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии», стр. 110.

росте промышленности, которая начинает перестраиваться на капиталистических началах. Со времени «чёрной смерти» и в течение всего XV в. доход городского чернорабочего стоял на уровне дохода среднего крестьянского двора, доход квалифицированного рабочего-ремесленника почти равнялся доходу зажиточного крестьянского двора в 30 акров, а временами даже превышал его. Для коттера было прямой выгодой перейти в число наёмных рабочих городской промышленности. Именно этот уход, разредивший население деревни, и сделал, по мнению Граната, необходимым полное переустройство аграрных порядков. Домениальное хозяйство ликвидируется, зато растёт «громадный класс» крестьянских предпринимательских хозяйств, ведущих дело при помощи наёмных батраков либо переходящих к овцеводству.

Важное значение придаёт уменьшению населения в Англии XIV—XV вв. английский историк М. Добб, автор «Очерков по истории развития капитализма», недавно рецензировавшихся в «Вопросах истории». Его не удовлетворяет обычное объяснение кризиса манориальной системы развитием «денежного хозяйства». Такое объяснение, думает он, приемлемо для историков школы Шмоллера, но не для историка-марксиста. Он полагает, что при анализе причин разложения манориальной системы следует отправляться не от такого внешнего момента, каким является развитие рынка, а от внутренних сил, определяющих феодальный способ производства. По его мнению, основным противоречием, приводившим к разложению феодального способа производства, было противоречие между слабой производительностью феодальной системы хозяйства и ростом потребностей господствующего класса. Феодальная рента могла увеличиться лишь за счёт необходимого труда или продукта, и её увеличение вело к истощению и уничтожению рабочей силы. Усиливая феодальную ренту, сеньоры режут курицу, несущую золотые яйца. Бегство из маноров принимает катастрофические размеры. Население начинает вымирать вследствие уменьшения продуктивности труда в крестьянских хозяйствах. Опустошающее влияние эпидемий нельзя рассматривать как первопричину убыли населения; большая смертность от эпидемий сама объясняется условиями феодального хозяйства, физическим истощением масс вследствие плохого питания и отсутствия запасов. Вскоре после 1300 г., ещё до «чёрной смерти», начинается резкое сокращение населения, следствием чего являются кризис домениального хозяйства и начало крушения манориальной системы, окончательное падение которой приходится уже на век гражданской войны в Англии.

Таким образом, перед нами ряд вопросов, поставленных, но не решённых. Имел ли место в XIV—XV вв. общий упадок английского сельского хозяйства и вообще английской хозяйственной жизни или же наблюдается её прогрессивное развитие? Имело ли место общее и постепенное сокращение населения и если имело, то чем оно было вызвано? Возможно, что ответить на эти вопросы будет не так просто, что явления упадка и прогресса могут быть констатированы рядом, что те или иные процессы по-разному складывались в разных местностях, может быть, в разных типах хозяйств. В самом деле, даже беглый взгляд на экономическую историю этих бурных столетий вызывает перед нами сложную и противоречивую картину, и простой итог даётся нелегко. Можно, пожалуй, констатировать начало упадка старых цеховых городов. Города замыкаются, переходят к строгой регулировке промышленности. В этом можно видеть признак упадка. Но одновременно в городах наблюдается растущее разделение труда между цехами и в то же время подчинение одних цехов другими, классовое расслоение внутри цехов, выделение капиталистической верхушки и предпролетариата¹², что свидетельствует о начавшемся капиталистическом перерождении цехов. Об этом говорит

¹² Unwin «Industrial organization in the XVI and XVII centuries».

и аристократизация городского управления. Но если даже говорить об упадке городов, то это могло означать и означало рост деревенской промышленности, в которой закладываются начала капиталистической мануфактуры. Английская промышленность никогда не укладывалась в рамки города, и даже её технический рост мог идти мимо городов¹³. Мы видим потерю рынков и одновременно с этим развитие деятельности купцов-авантюристов, а в литературе того времени — развитие идеи, что будущее Англии в морской торговле. Упадок вывоза шерсти всё же в какой-то мере компенсируется развитием английской шерстяной промышленности, частично рассчитанной на вывоз, хотя здесь, конечно, трудно оспаривать таких специалистов, как Постан и Пауэр. Но следует заметить, что уровень экономического развития страны далеко не всегда определяется размерами её экспорта.

Что же наблюдается в области аграрных отношений? Несомненно, мы видим глубочайший кризис феодально-вотчинной, манориальной системы хозяйства. Но есть ли это упадок сельского хозяйства страны в целом? Не правильной ли было бы видеть здесь переход к новым, более высоким формам хозяйственной организации? Я не могу согласиться с Постаном, что вытеснение доменального хозяйства крестьянским обозначало падение товарности сельского хозяйства. Постан исходит из представления о доменальном хозяйстве, как о хозяйстве товарном по преимуществу, «капиталистическом или квазикапиталистическом», как он выражается. Но феодально-вотчинное, манориальное хозяйство представляется мне по своим основам натуральным, хотя и способным до известной степени приспособляться к товарно-денежным отношениям. С другой стороны, крестьяне уже в XII—XIII вв. начинают превращаться в простых товаропроизводителей; конечно, это в ещё большей степени относится к зажиточному крестьянству, которое так усиливается в XV веке. Мне представляется, что замена феодального производства производством простых свободных товаропроизводителей являлась важным шагом на пути буржуазного перерождения деревни, и у нас нет оснований предполагать здесь в какой-либо мере рецидив натурального хозяйства. Мы наблюдаем здесь движение не от «капиталистических» отношений к натуральному хозяйству, а от натурального по своему существу феодального хозяйства через мелкотоварное к капиталистическому. Замена крупного по своим размерам доменального хозяйства мелким и средним крестьянским и фермерским не являлась моментом регрессивным, поскольку в условиях феодального производства крупное хозяйство не имело тех неоспоримых преимуществ, какие оно получает при капитализме. Доменальное хозяйство основывалось на технической и трудовой базе мелкого крестьянского хозяйства; его технические преимущества (использование удобрений, более тяжёлый плуг) были незначительны и отчасти достигались путём искусственного понижения производительности крестьянских хозяйств; оно базировалось на подневольном барщинном труде с его рутинной и низкой производительностью; возможности его расширенного воспроизводства были до крайности сужены господством внеэкономических моментов — расточительности, произвола, распулченности феодальных сеньоров. Эти же моменты ограничивали возможность приспособления феодально-вотчинного хозяйства к товарно-денежным отношениям; при этом развитие товарности доменального хозяйства шло в значительной степени за счёт ослабления и дезорганизации товарности крестьянского хозяйства. Поэтому падение доменального хозяйства не означает падения более высокой и прогрессивной формы; наоборот, это падение открывает пути для дальнейшего буржуазного перерождения деревни, развязывает развитие производительных сил, заменяя подневольный крестьянский труд сво-

¹³ См. указанную выше статью Cagus Wilson.

бодным, прекращая разорение крестьянского хозяйства отвлечением рабочих рук и внеэкономическим давлением, кладя конец вмешательству сеньора в рыночные отношения крестьянского хозяйства.

Не вполне доказанным представляется мне также уменьшение населения Англии в XIV—XV веках. Исчезновение известного процента мелкого крестьянства, т. е. наиболее экономически слабой части деревенского населения, можно объяснить естественными тенденциями развивающегося товарного хозяйства: «кулаки» — это слово стало теперь техническим термином в английской аграрной литературе — постепенно вытесняют мелких хозяев. Последние могли, не уходя из деревни, исчезнуть из манориальных документов, если они становились свободны как от крепостной зависимости, так и от земли. Они могли перейти в число постоянных, погодно нанимаемых батраков. Они могли вступить в многочисленный разряд переходящих сельскохозяйственных рабочих. Они могли, как думал Гранат, уходить в города... Несмотря на «падение» городов мы часто встречаем случаи ухода крестьян в города. Из Фортсетта (Норфок) между 1400 и 1576 гг. ушло 126 держателей в 64 пункта, главным образом в города¹⁴. С исчезновением крепостного права крестьянство приобретало большую мобильность и малоземельные элементы из густо населённых районов могли передвигаться в менее населённые, в центры новой деревенской промышленности. Вполне возможно, что во многих случаях перед нами не сокращение, а перемещение населения. О внутренней миграции свидетельствует история манора Wilburton (Кембриджшир). Уходившие крестьяне нередко увозили с собой скот и увозили инвентарь¹⁵. Таким образом, вопрос о сокращении населения Англии в целом остаётся открытым.

Вообще мнения об убыли населения в Англии в XIV в., о причинах этой убыли и об её устойчивости сильно расходятся у современных исследователей. Урланис, автор новой сводной работы «Рост населения в Европе» (Огиз. 1941), считает, что во время «чёрной смерти» Англия потеряла около миллиона человек (около трети населения), причём эта убыль была скоро восполнена и население в 1400 г. было примерно таким же, как в 1300 году. О быстром восполнении убыли населения от эпидемий говорят Белох¹⁶, Карр-Саундерс¹⁷, полагающие, что в 1377 г. население Англии было не меньше, чем до чумы. Но ряд других авторов подчёркивает убыль населения, начавшуюся даже до «чёрной смерти» и долго не восполнявшуюся. Томпсон полагает, что для восполнения убыли, причинённой «чёрной смертью», понадобилось три с половиной столетия.

Все демографические выкладки относительно движения цифр народонаселения в средние века крайне шатки. Но можно согласиться с наблюдениями Урланиса, что во всех странах Европы убыль от эпидемии восполнялась очень быстро. Конечно, XIV и XV века были во многих отношениях «неблагополучны»: они знали и голодовки, и Столетнюю войну, и феодальные усобицы, и войну Роз. Но какие же столетия в таком случае признать «благополучными»? Даже прославленное XIII столетие знает и голодовки (1257 — 1259) и усобицы, которые источники обозначают как время войны, время смут, время разграбления»; начало XIV в. знает голодовку 1315 — 1316 годов. Говоря о XV в., надо помнить, что это было время наибольшего благополучия для рабочих, реальная заработная плата которых стояла выше, чем в XIV и XVI вв., а также для зажиточного крестьянства. Всё это, несомненно, должно было содействовать росту

¹⁴ См. Davenport «Economic development of a Norfolk Manor».

¹⁵ См. Maitland B. «English Historical Review», 1894; ср. Nabholz B. «Cambridge Economic History». I. 529.

¹⁶ BeIoch «Die Bevölkerung Europas im Mittelalter». «Zeitschrift für Sozialwissenschaft». 1900.

¹⁷ См «European Civilization». Vol. V.

населения. Потери от войн и междоусобий XV в. были не настолько велики, чтобы ими можно было объяснить убыль населения.

Итак, самый факт убыли населения на длительное время и прекращения или замедленности его роста в XIV — XV вв. остаётся под большим сомнением, и маноральная статистика не даёт здесь убедительных доказательств.

Но вообще к вопросу о роли фактора народонаселения в процессе экономического развития приходится подходить очень осторожно. Не отрицая того, что сокращение населения могло известным образом модифицировать, обострять и отягчать известные стороны аграрного развития Англии, мы всё же не можем приписывать ему решающую роль даже в том случае, если оно было значительно и так устойчиво, как это полагают некоторые из новых исследователей. Но всё же мне представляется, что их заключения основаны скорее на «inference», чем на «evidence».

Депрессия, по Постанову, выражается в падении ренты как результате большого предложения земли и малого спроса. Но такая постановка вопроса не считается со спецификой феодальной ренты, имеющей в основном внешнеэкономический характер, основывающейся на внешнеэкономическом принуждении и определяемой границами этого принуждения. Падение феодальной ренты может вовсе не быть симптомом депрессии, или упадка, скорее даже наоборот.

Мне кажется, что в XIV—XV вв. налицо глубокий кризис и тяжёлая депрессия, но кризис и депрессия особого рода: это кризис феодального производства и депрессия хозяйства крупного феодального лорда, упадок феодально-вотчинной системы, но не упадок народного хозяйства или хотя бы лишь сельского хозяйства Англии в целом. Вполне понятно, что если мы будем смотреть на аграрную Англию XIV—XV вв. сквозь призму манориальных документов, то мы увидим только упадок. Но этот упадок, даже если он сопровождался временным падением сельскохозяйственной продукции и сокращением товарности хозяйства, знаменует переход к более высокому типу производственных отношений.

Каждый шаг вперёд сопровождается упадком и отмиранием старого, и в истории любой эпохи, особенно эпохи быстрого роста, в том числе и в Англии XIV—XV вв., нетрудно найти сколько угодно явлений упадка. И часто бывает, что явления упадка старого заметнее, больше бросаются в глаза, чем рост нового. Может легко показаться, что рост новых форм «не компенсирует» упадка старых, особенно если отмирание старого сопровождается явлениями, временно тормозящими рост нового, а таких явлений XIV—XV века знают достаточно (частичное истощение крестьянских хозяйств, феодальная анархия, Столетняя война). Экономический и социальный прогресс связан с «издержками», и порой эти издержки могут быть очень велики.

Таким образом, основную причину падения феодально-вотчинной системы и вместе с ней доменального хозяйства и феодальных рент можно видеть не в «чёрной смерти», не в убыли населения, не в общем хозяйственном упадке страны, а в росте производительных сил и связанном с этим развитием товарности хозяйства. Можно вполне согласиться с тем, что феодальная эксплуатация тормозила развитие производительных сил, истощала крестьянское хозяйство и до известной степени задерживала рост населения. Но Маркс показал¹⁸, как при всём том возможны рост производительности крестьянского хозяйства и крестьянского накопление. Его наблюдения целиком приложимы к английской средневековой деревне. Английский крестьянин рано начинает превращаться в товаропроизводителя, о чём свидетельствует широкое распространение денежной ренты уже в XII—XIII веках. С другой стороны, натурально-хозяйственная по своей основе феодально-вотчинная система

¹⁸ См. К. Маркс «Капитал». Т. III, гл. 47, 82.

лишь в ограниченных рамках способна приспособляться к условиям товарного хозяйства. Развитие последнего рано или поздно приводит к разложению феодальной вотчины. «Чёрная смерть», рабочее законодательство, «феодалная реакция» — всё это лишь усложняло и обостряло происходившие в деревне процессы, но не изменяло основной линии аграрного развития страны. И всё же феодальная вотчина, особенно монастырская, и в XIII и в XIV вв. довольно успешно преодолевала свою натурально-хозяйственную ограниченность, приспособлялась к требованиям растущего товарно-денежного оборота и увеличивала феодальную ренту путём усиления эксплуатации крестьян, дробления наделов, рационализации и учёта производства, осуществления своих полицейских и судебно-административных прав. Но на этом пути феодальная вотчина столкнулась с могучим препятствием. Здесь необходимо учесть момент, во многом определивший судьбы английской деревни XIV—XV вв., — силу сопротивления крестьян, превращающихся в товаропроизводителей. История этого сопротивления ещё не написана. Восстание Уота Тайлера является лишь наиболее ярким моментом в этой истории. Протоколы королевских судов и манориальных курий являются памятником непрерывной борьбы английского крестьянства с феодальными вотчинниками, борьбы, принимающей временами характер бурных вспышек.

Ассизы о вооружении сыграли, может быть, более значительную роль во внутренней истории Англии, чем во внешней. «Тот факт, что у столь многих людей из простонародья было оружие в их хижинах, и что они умели им владеть, было главной причиной, почему в атмосфере острова чувствовалось некоторое влияние политической и социальной свободы», не без оснований замечает Тревельян в своей «Истории Англии». Английское крестьянство не относилось пассивно к стремлению лордов повышать феодальную ренту, а упорно, нередко с оружием в руках, отстаивало свои права на землю и необходимый продукт, а также и на часть «прибыли»¹⁹.

Майльэндская программа 1381 г. с её требованиями отмены крепостного права и барщины, установления низких денежных рент и снятия ограничений с крестьянской торговли является замечательной по чёткости формулой требований крепостных крестьян, стремившихся стать простыми свободными товаропроизводителями. Эта программа была почти целиком осуществлена в XV веке.

Итак, мы можем видеть здесь не упадок, а прогрессивное развитие аграрной Англии; если наблюдаются упадочные и болезненные явления, то это болезни роста. Но феодальные лорды, безусловно, страдают. Власть их над крестьянами падает, их доменальное хозяйство сокращается или ликвидируется, рента их уменьшается. М. Добб прекрасно выяснил причины, препятствовавшие переходу крупной феодальной вотчины в капиталистическое хозяйство с наёмным трудом и делавшие неизбежным её упадок. Сначала этот упадок захватывает светских феодалов, потом распространяется и на церковных²⁰. Но крестьянство выигрывает. Внеэкономическое принуждение слабеет, для экономического ещё не пришло время. Освободившийся домен распределяется между крестьянской верхушкой. Рента фиксируется на низком уровне. Крестьянин, по словам Маркса, делается фактически собственником, под какой бы феодальной вывеской ни скрывалась его собственность. Перед нами своеобразное общество простых свободных товаро-

¹⁹ См. главу «Борьба за ренту в Англии XIII в.» в моей книге «Исследования по аграрной истории Англии». М.-Л. 1947.

²⁰ Набольтц не без основания объясняет большую устойчивость церковных маноров тем, что церковное хозяйство требовало меньше наличных денег и отличалось более натуральным характером. Здесь ясно выступает связь разложения феодально-вотчинной системы с развитием товарного хозяйства (см. «Cambridge Economic History», I, 521).

производителей как продукт распадающихся феодальных и ещё не сложившихся капиталистических отношений.

Но это относится не ко всему крестьянству. Развитие товарного хозяйства усиливает давно уже начавшуюся дифференциацию сельского населения. Всё более крепнет крестьянская буржуазия, эксплуатирующая наёмный труд, своим верхним краем соприкасающаяся с джентри; а с другой стороны, часть коттеров лишается своих наделов и переходит в разряд безземельных. Образуется сельский предпролетариат, выдвинувший Джона Болла и виднейших вождей восстания 1381 г., развернувший радикальную программу социальных и политических реформ, предъявленную королю в Смитфильде, сыгравшую видную роль в восстании Джека Кэда. Обезземеление английского крестьянства уже начинается, и начинается с наиболее слабой его части. Но обезземеленное крестьянство ещё находит работу в деревне, а отчасти поглощается новыми промыслами, как деревенскими, так и городскими. Только после середины XV в. начинает чувствоваться в деревне излишек свободных рабочих рук²¹. Развитие товарного хозяйства порождает рост капиталистических отношений. Но и феодальные отношения не исчезли. Они лишь ослабели и притаились в протоколах манориальных курий, в условиях копигольдерского и арендного держания. Придёт время, и они будут широко использованы в целях обезземеления крестьянства и окончательного торжества капиталистической деревни.

Среди вопросов, связанных с разложением манориальной системы и с ростом в XIV—XV вв. собственнического крестьянства, важнейшее место должен занять всё ещё недостаточно разработанный вопрос о судьбах английского овцеводства, намеченный в очерке покойной талантливой исследовательницы Эйлин Пауэр²². Пауэр показала, что овцеводство в феодальной Англии развивалось в значительной мере вне манориальной системы. Тем не менее кризис домениального хозяйства очень резко сказался и в этой области. XIII и начало XIV в. были временем расцвета домениального овцеводства. С 1340 г. начинается «критический период», с XV в. — время застоя. В это время не только пашни, но и пастбища переходят в руки держателей. Типичный овцевод XV в. — крестьянин, иногда горожанин или мелкий дворянчик. «Это было время мелких людей». Они же начали те огораживания, которые положили начало аграрному перевороту XVI века. Переход овцеводства из рук крупных феодальных производителей в руки «мелких людей» сопровождался коренными переменами также и в области торговли шерстью.

В XV в. в английской деревне формируется социальная группа, судьба которой не совпадает с судьбой старой феодальной знати: это — «новое дворянство», сыгравшее такую крупную роль в экономической и политической истории XVI и XVII вв., в английской буржуазной революции и через неё положившее особый отпечаток на всю историю английского общества до наших дней²³. С понятием «новое дворянство» соединяется представление о социальной группе не только нового происхождения, но и представляющей новые хозяйственные методы и мотивы, носительнице буржуазных отношений в противоположность старым, феодальным. На основании своих прежних изысканий я склонен думать, что по своему происхождению «новое дворянство» не так уж ново. Начальные стадии его развития я проследил в XIII веке. Я обратил внимание на наличие значительной прослойки мелких вотчинников, постоянно пополнявшейся из числа богатеющих крестьян-фригольдеров. Мелкая вотчина и в XIII в. была гораздо меньше связана с феодальным способом эксплуатации, чем крупная, и гораздо легче поддавалась капи-

²¹ Nabholz Н. «Cambridge Economic History», I. 520.

²² «The wool trade in English medieval history». Oxford, 1941.

²³ Cp. Tawney «The rise of Gentry». «Economic History Review». 1941.

талистическому перерождению²⁴. Я отметил, что такая вотчина была носителем буржуазного брожения в феодальном обществе XIII века. История мелкой вотчины, показанная мною для XIII в., совершенно не исследована для XIV и XV веков. Вполне возможно, что эта история не такова, как история тех крупных маноров, которые до сих пор были основным предметом исследований. Возможно, что мелкая вотчина не переживала того кризиса, который переживала крупная, или переживала его в меньшей мере и в другой форме, что мелкие вотчинники сумели лучше приспособиться к новым экономическим условиям²⁵ и создали ядро нового дворянства. Всё это лишь предположения, которые требуют доказательств. Но те различия, которые намечаются у вотчин разного типа уже в XIII в., как будто бы позволяют предположить разные пути развития и в дальнейшем. Эти ряды «нового дворянства» должны были в XV в. ещё в большей степени, чем в XIII, пополняться из среды разбогатевшей крестьянской верхушки. Об этом хорошо свидетельствует переписка семьи Пастонов. В ряды джентри пробирались и министриалы знати, разбогатевшие на аренде маноров. Часто купцы, особенно лондонские, считают выгодным поместить свои капиталы в покупку земли, этого главного источника влияния и власти в феодальном обществе. Об этом ярко говорят документы семьи Сили. Немало купеческих фамилий исчезает из числа лондонских горожан вскоре после своего обогащения, превращаясь в землевладельцев²⁶. Низкие цены на землю, упадок доходов и разорение феодальных магнатов создавали для них выгодные условия. Постан отмечает, что новые кадры землевладельцев были созданы Столетней войной. Начало войны было ознаменовано большим экономическим «бумом», связанным с финансовыми требованиями короны, с огромными займами, большими финансовыми и торговыми спекуляциями, новыми податными экспериментами, упадком итальянских банков, началом новой, шерстяной промышленности. На этой почве быстро создались большие денежные состояния, но они так же быстро исчезли²⁷. То, что не было промотано и не было захвачено королевской властью, по большей части было употреблено на покупку земли. Столетняя война поставляла и других покупателей земли. Большие состояния создавались военными поставками, финансированием правительства, но также и непосредственно войной. Здесь на первом месте стоят кондотьеры, руководители наёмных отрядов, получавшие большие суммы, награды и пожалования от короны, а также наживавшиеся на грабеже. Наживалась королевская бюрократия, особенно финансовые чиновники, обогащавшиеся на снабжении армии и флота; многие из них к тому же были участниками купеческих компаний. Эти капиталы также обычно вкладывались в покупку земли. Да и само правительство иногда расплачивалось со своими кредиторами пожалованием им земель. Если к этому прибавить конфискации и пожалования бурного XV в., то придётся констатировать весьма значительные сдвиги землевладения в XIV—XV веках.

Конечно, мы не можем думать, что все эти новые землевладельцы вошли в состав «нового дворянства», если понимать эти слова в смысле слоя, проникнутого новыми экономическими тенденциями. Некоторые фамилии купцов, финансировавших Столетнюю войну, а потом вложивших свои капиталы в землю, быстро ассимилировались с феодальной аристократией (как de la Poles). Хорошо известно, что Столет-

²⁴ См. главу «Мелкие вотчинники в средневековой Англии» в моей книге «Исследования по аграрной истории Англии».

²⁵ Это отмечено Э. Пауэр и М. Доббом в цитированных книгах.

²⁶ Постан в «Economic History Review» ссылается на специальные исследования S. Thrupp, частью не опубликованные.

²⁷ Там же. Постан видит в этом буме возникновение «high capitalism» и исчезновение созданных им больших капиталов рассматривает как упадок. Едва ли с этим можно согласиться.

няя война пополнила ряды феодальной вольницы. Но трудно представить себе купца или спекулянта, превращающегося после приобретения земли в буйного «гангстера» (пользуясь неологизмом, получившим право гражданства в английской исторической литературе). Скорее можно предположить, что такой покупатель земли пожелает оправдать сделанную им затрату и постарается извлечь из своей покупки возможно больший доход.

Во всяком случае, большое количество земель уходило из рук старых феодальных владельцев и переходило в руки новых людей. При рассмотрении перемещений землевладения в XIV—XV вв. исследователи обращали внимание главным образом на образование новых крупных феодальных комплексов, как владения Перси, Невиллей, Мобреев, поглотивших наследства Бичемов, Диспенсеров, Монтэкутов, Бито, Браозов, Вареннов; как владения Йорков, поглотивших земли Мортимеров; как владения Страффордов (Бекингемов), поглотивших земли Богунов и Клеров; как особенно рост владений Ланкастеров, так странно контрастирующий с постоянной бедностью короны. Не отрицая огромной важности факта концентрации крупных феодальных владений накануне краха феодализма, мы не должны забывать, что под этой яркой поверхностью идёт непрерывная работа скрытых сил, выражающаяся в перемещении собственности на землю путём отдельных незаметных приобретений в руки новых людей, и притом нередко людей, руководящихся новыми экономическими мотивами. Можно предположить, что и старая джентри, потомки мелких вотчинников XIII в., не оставалась чужда приобретательским стремлениям. Так, позади буйного «феодализма принцев» Англии XV в. незаметно складывалось «новое дворянство», проникнутое новыми, буржуазными, тенденциями, ищущее новых путей обогащения, являющееся наряду с верхушкой зажиточного крестьянства пионером огораживаний и коммерческого овцеводства.

Доходы крупных феодалов от их вотчин падают. У них нет возможности поднять эти доходы ни экономическим, ни внеэкономическим путём. А расходы их растут. XV век — время экстравагантной роскоши королевского двора и дворов магнатов, время красивых и элегантных построек в новом вкусе, богатой и оригинальной одежды, изящной домашней утвари. Огромные деньги идут на пиры, охоту, на содержание большого штата слуг, на военные свиты. Приходится искать новых источников дохода.

Часто говорят, что в Англии XII—XIII вв. феодалы, оттеснённые королями от политической власти, сосредоточили свою энергию на хозяйственной жизни. Это не совсем так. Но для XIV—XV вв. можно сказать, что феодалы, оттеснённые от хозяйственной жизни, стали стремиться к политической власти. Точнее, феодалы попрежнему ищут внеэкономических доходов, ищут феодальной ренты, но уже не в своих вотчинах.

Феодальная монархия в Англии создала довольно эффективный финансово-судебно-административный аппарат в центре и на местах, создала его в значительной мере в борьбе с политической самостоятельностью феодальных магнатов. Лишённые возможности увеличивать доходность своих вотчин, или, точнее, возможности воспрепятствовать падению доходности своих вотчин, феодалы паразитически бросаются на созданный короной аппарат, так как он является источником власти и, главное, денег. Должности при дворе, в совете, на местах, администрация, финансы, суд захватываются ими как новый способ извлечения из населения феодальной ренты. Не война с Францией²⁸, а именно разложение феодально-вотчинного строя толкает их на этот путь.

²⁸ Ср. Cam N. «The decay and fall of English Feudalism». «History», December, 1940, p. 232.

Если невозможно увеличить доходность вотчины, то можно увеличить число вотчин в своём владении. Прямой захват, судебное сутяжничество, связанное с подкупом или запугиванием судей и присяжных, всевозможные комбинации с браками и наследствами — вот что характерно для английской аристократии XV века. Она не брезгает и простым разбоем — «гангстеризмом»; наконец, важнейшим способом добывать деньги и ценности является грандиозный и законный разбой — война.

Теперь получает особое значение власть над людьми, не столько над крестьянами, которых нельзя заставить платить повышенную ренту, сколько над вооружёнными людьми, которые являются источником и силы, и влияния, и военной добычи. «Лорд манора» превращается в насильника, грабителя, атамана разбойничьей шайки, носящей его ливрею и герб. Вот в основном та сила, которая подрывает экономическое развитие страны, своими усобицами и войнами расстраивает и внутреннюю и внешнюю торговлю. Гниющий феодализм задерживает развитие новой Англии.

Столетняя война представляет весьма сложное явление, характер которого значительно изменялся с течением времени. Здесь я не собираюсь ставить вопрос о всех её аспектах. Я хочу лишь подчеркнуть, что для английских феодалов она была широким полем для грабежа и захвата добычи. Это относится как к XIV, так и к XV в., особенно к последнему. Возобновлённая Генрихом V война — порождение феодальной анархии, точнее, порождение разлагающегося феодального способа производства. Три главных мотива толкали Генриха V на возобновление военных действий: дать феодалам, от поддержки которых зависела Ланкастерская династия, возможность грабить Францию; остановить революционное движение внутри страны; найти предлог для новых финансовых вымогательств, т. е. для нового грабежа Англии в интересах феодальной клики. Столетняя война во много раз увеличила налоговый гнёт в Англии. Доходы короны выросли, но корона оставалась нищей, так как всё собираемое ею расходовалось непроизводительно и растаскивалось феодальными кликами. Утомительная история борьбы феодалов и феодальных групп за места в совете, за влияние при дворе, а в конце концов, за корону была прежде всего борьбой за право обирать Англию, брать с неё феодальную ренту в форме государственных налогов. Формы грабежа казны, а через неё народа были многочисленны и разнообразны. Тяжело отзывались на внешней торговле Англии льготы феодалам-ланкастерцам на вывоз шерсти и предоставление таможенных пошлин кредиторам короны²⁹

Особую разновидность феодальных гангстеров представляли бароны Уэльской марки и Севера, сохранившие облик и нравы времён Стефана и Матильды. Повидимому, в этих районах, особенно на Севере, никогда не достигала полного развития манориальная система; держание носило преимущественно военный и, стало быть, свободный характер; большую роль играло скотоводческое хозяйство; мало было развито домениальное хозяйство; рента уплачивалась в значительной степени продуктами. Впрочем, в XIII в. там наблюдаются попытки насаждения манориальной системы и домениального хозяйства. Во всяком случае, здесь сохранились довольно примитивные отношения. В бурных событиях XIV—XV вв. феодальной вольнице Запада и Севера принадлежит крупная роль. Но во время Столетней войны и в других районах страны начинается своего рода возрождение военного держания, в частности в таком передовом районе, как Восточная Англия. Магнаты сдают землю своим военным сподвижникам, людям из своих свит.

²⁹ См. Н а w a r d W. G. «Economic History Review», April 1926.

Трудно согласиться с широко распространённым мнением, что феодалы взаимно истребляли друг друга, не нанося ущерба стране и основной массе населения, которая будто бы оставалась в стороне от этих смут. Внутренние усобицы, ненужная, разорительная и позорная война во Франции, пнёт налогов и злоупотребления при их взимании, расхищение казны и королевского домена, паралич государственной власти, расстройство торговли и, наконец, прямой грабёж и реквизиции — всё это глубоко нарушало экономические интересы широких кругов населения. Феодалная анархия нарушала прежде всего интересы тех классов населения, которые были связаны с развитием товарного хозяйства. Здесь надо назвать сильный класс «крепких» крестьян-собственников и арендаторов крупнокрестьянского типа. «Крепкие» крестьяне-товаропроизводители, не потерявшие ещё общинных связей, должны были обладать значительной силой сопротивления. Несомненно, значительное недовольство было распространено среди «нового дворянства» или, во всяком случае, немалой его части. Если известная часть английской джентри XV в. связала свои интересы с борьбой феодалных кланов и являлась активной участницей в феодалной анархии, то, несомненно, значительна была и другая часть, страдавшая от этой анархии, от атмосферы беззакония, земельных захватов, судебного сутяжничества, беззащитного давления на выборы, от незаконной выдачи лицензий на вывоз шерсти и т. д. Сильнейшим образом страдали интересы английского купечества, особенно когда война, начатая в значительной мере как война за важнейшие рынки, привела к потере большинства рынков. Финансовые эксперименты и захваты короны больно ударили по интересам купцов. Расстройство товарооборота не могло не сказываться и на других группах городского населения.

Особую группу представляют деревенская беднота, батраки и городское плебейство. И они не могут не страдать, хотя бы косвенно, от феодалной анархии. Но их главные счёты — с теми классами, которые их непосредственно эксплуатируют.

История классовой борьбы крестьянства в XV в. мало исследована. Ещё до сих пор ставится вопрос о том, улучшилось или ухудшилось положение крестьян вследствие восстания Уота Тайлера. Мне всё же кажется, что историю английского крестьянства в XV в. невозможно понять, если не принимать в расчёт того упорного сопротивления, которое крестьяне оказывали всем попыткам «феодалной реакции» и усиления феодалной ренты. За восстанием Уота Тайлера последовал ряд новых вспышек. Если экономическое развитие английской деревни в XV в. пошло в направлении осуществления Майльэндской программы, то этому, вероятно, содействовала не только слепая игра экономических сил, но и сила сопротивления крестьян, сделавших в 1381 г. эту программу своим знаменем.

XIV век оставил в наследство XV движение лоллардов, не утихающее почти до конца века и порою принимающее грозные размеры. Этим движением определяются многие события внутренней и внешней истории времён Ланкастерской династии. Движение это очень сложно по своему социальному составу, не менее сложно, чем движение гуситов. В той или иной мере к нему примыкали короли и принцы, мечтавшие о захвате церковных имуществ, и кентские бедняки, вдохновлявшиеся идеями общности имуществ. Повидимому, его идеи близки «крепкому», кулацкому крестьянству; к кулацкой идеологии примыкает поэма Лэнгленда, идеализирующая зажиточного крестьянина, неблагоклонная к рабочей бедноте. Очень силен был в лоллардизме элемент рыцарства, особенно заметный в неудавшемся восстании Ольдкестля. Разработка социальной истории лоллардизма была начата Д. М. Петрушевским, но не доведена до конца. Вероятно, она может дать очень много для выяснения антифеодалных идей и движений в XV веке.

Середина XV в. знает знаменитое восстание Джека Кэда (Мортимера), которое, может быть, следовало бы сделать центром изучения социальной истории XV в., как Петрушевский сделал восстание Уота Тайлера центром изучения разложения английского феодализма в XIV веке.

Восстание Джека Кэда не было чисто крестьянским восстанием: в нём объединились различные антифеодальные элементы южных графств Англии. Это придало ему общенародный характер. К нему примкнули рыцари и даже некоторые церковные лорды. Приходы посылали вооружённые отряды. В некоторых местах власти собирали ополчение формальными приказами. Военные силы Джека Кэда представляли собой не беспорядочную толпу, а организованное и вооружённое войско. Королевская армия после первой же стычки не пожелала драться с восставшими и разбежалась. Лондонская буржуазия открыла перед ними ворота города. Манифест Джека Кэда не содержит чисто крестьянских требований: он объединяет все антифеодальные группы. Он протестует против засилья магнатов, окружавших трон, против губительной внешней политики, против тяжёлых налогов и злоупотреблений финансовых чиновников, против давления магнатов на парламентские выборы. Он требует наказания виновных во всех этих злоупотреблениях, возвращения королю расхищённого домена, призвания к власти Ричарда Йоркского. Эта программа, поддерживавшаяся путём вооружённого восстания, кажется очень умеренной и не представляет ничего нового. Она выставилась много раз и раньше и позже, целиком или по частям. Она выставилась и в парламентских петициях. Ею как демагогическим средством пользовались враждующие феодальные клки. Она лежит на одной линии с политической теорией Фортескью, она в той или иной мере осуществлялась потом политикой Йорков. За этой программой с оружием в руках пошли отнюдь не «революционные» классы — зажиточные крестьяне-йомены, дворянство, её поддержала лондонская буржуазия. Обращает на себя внимание чисто политический характер программы. Восставшим классам нужны лишь упорядоченное управление, сильная и опирающаяся на свой домен королевская власть, свободный от внешнего давления парламент, подавление феодальных клков. Средством для этого кажется призвание к власти Ричарда Йоркского: вопрос о смене династии уже намечается. Крестьянство не выставило никаких требований социального характера, поскольку те требования, которые были выставлены восстанием Уота Тайлера, были за эти 70 лет уже в основном осуществлены. Но знаменательно единственное требование социального характера, выставленное в манифесте Джека Кэда и обличающее в рядах восставших тот раскол, который привёл к крушению восстания. Это — требование отмены рабочего законодательства (возобновлённого в 1446 г.). Этот пункт свидетельствует об участии в движении сельскохозяйственных рабочих — беднейшего крестьянства и батраков, для которых пришлось включить в программу это требование, как будто бы расходящееся с интересами эксплуатирующих классов (включая и зажиточное крестьянство), принявших участие в восстании. Может быть, это была демагогическая мера; может быть, наниматели не придавали большого значения законодательству, столько раз доказавшему свою неэффективность? Но это добавление, нарушающее единство манифеста, свидетельствует о том, что в среде антифеодальных классов уже назрели неразрешимые противоречия, лишь временно прикрытые общей программой.

Как и во время восстания Уота Тайлера, после оккупации Лондона, городское плебейство объединилось с беднейшими крестьянами и стало расправляться со своими классовыми врагами. Это заставило лондонскую буржуазию объединиться с королевским гарнизоном и вытеснить восставших из города, что вызвало раскол и колебания в рядах восставших и побудило Джека Кэда поддаться на предательскую

дипломатию епископов и распустить своё ополчение. Восстание Джека Кэда и последовавшие в ряде других мест вспышки были подавлены. Городская и сельская буржуазия убедилась в опасности для неё самой революционного пути и возложила надежды на укрепление королевской власти, которая могла бы подавлять как феодальных магнатов, так и непокорных рабочих. Не случайно Ричард Йоркский, призвания которого к власти требовали восставшие, в феврале 1451 г. принимал видное участие в так называемой «жатве голов» — в кровавой судебной расправе с последними следами народного движения в Кенте. Ему было выгодно очиститься от всякой связи с народным восстанием.

Начинается война Алой и Белой роз, с которой связано немало исторических недоразумений, начиная с её названия. Не установлено, какие именно события следует объединить под этим названием, каковы хронологические рамки этой войны. Обычно дают дату от 1455 до 1485 г., от первой битвы при Сент-Олбансе до битвы при Босворте. Но Марк начинает войну Алой и Белой роз с 1399 г. («Хронологические выписки»), с начала династии Ланкастеров; можно было бы начать и раньше, если разуместь под ней весь период баронской анархии. Именно в последнем смысле говорит об этой войне Тревельян («Social History of England»), хотя он и принимает более узкую, обычную хронологию. Грин считает началом войны 1450 г., а концом — 1461, год вступления на престол династии Йорков, или 1471 — дату окончательного утверждения на престоле Эдуарда IV. После этого он начинает новый период, озаглавленный «Новая монархия» и включающий время Йоркской династии и начала династии Тюдоров. Указывали, что принятие за дату войны Роз периода от 1455 до 1485 г. объединяет под этим общим названием ряд военных столкновений, разделённых значительными промежутками мирного времени и имеющих разный исторический смысл. К. Г. Уильямс различает в этой войне (не считая 1455 г.) четыре различные фазы: 1459 — 1461 гг. заканчиваются воцарением Эдуарда IV; 1462—1464 — местные события на севере Англии; 1469—1471 — восстание Уорвика и окончательное укрепление Эдуарда на троне; 1483—1485 — восстание баронов против Ричарда III, заканчивающееся победой при Босворте³⁰. Столь же неясно социальное содержание этих междоусобных войн. Большинство историков склонно видеть в них лишь борьбу двух феодальных клик за власть и корону. Эта точка зрения так сформулирована Тревельяном: «К спору между Ланкастерами и Йорками не примешивалось никакого вопроса о принципах и даже классовых интересах. Это была борьба между кликами, между фамилиями, родственными королевскому дому, стремившимися к власти, к богатству и, в конечном счёте, к овладению короной. На каждой стороне собралась группа магнатов, и у каждого магната была своя клиентела. Масса народа смотрела на это равнодушно, города и деревни старались лишь по возможности избежать ужасов войны. Нейтральное большинство мало страдало, и торговля продолжалась по своим обычным путям. Но действительные участники войны сильно пострадали. Войны Роз были кровавой операцией, произведённой зря над своим собственным телом. Для нации это было замаскированное благодеяние»³¹.

Конечно, если мы будем рассматривать историю этого периода только как борьбу Ланкастеров и Йорков, то едва ли можно будет много прибавить к характеристике, данной Тревельяном. Если некоторые исследователи отмечают йоркистские симпатии передового и мятежного Кента, торговых городов и особенно Лондона, то другие подчёркивают, что города не имели своей определённой ориентации и придерживались той, ко-

³⁰ См. «Cambridge Medieval history», VIII, 422 и след.

³¹ «History of England», p. 262—263.

тору им диктовали соседние магнаты; или же ориентация их определялась тем, в руках какой партии находилась в данное время власть³². Лондон в данном случае не представляет исключения, хотя нельзя не отметить больших симпатий лондонского купечества к Эдуарду IV. Но если мы поставим вопрос о социальном смысле протекавшей в это время борьбы иначе, то у нас может получиться другая картина. Если мы будем видеть в борьбе, протекавшей между 1450 и 1485 гг., не борьбу династий, а борьбу классов, то борющимися сторонами будут не ланкастерцы и йоркисты, а старая, феодальная Англия и буржуазно перерождающиеся классы. Целью первой является закрепление своего политического господства, грозящее увековечением феодальной анархии; целью вторых — установление прочного политического порядка, сильной королевской власти, твёрдой внешней политики; они готовы даже пожертвовать парламентскими привилегиями, которые подвергались таким узурпациям в предшествовавший период. Бароны легко переходят из йоркистского в ланкастерский лагерь и обратно. Буржуазии и «новому дворянству» тоже довольно безразлично, кто будет ими править: король из дома Йорков или наследник ланкастерских притязаний из дома Тюдоров. Для них в данный момент важнее всего сильная королевская власть, которая могла бы покончить с феодальной анархией. Только опираясь на эти классы, Эдуард IV мог проводить свою властную политику, мог из главы одной из феодальных клик стать основоположником английского абсолютизма, первым представителем «новой монархии», как её называет Грин. Эдуард преследует феодальных магнатов, мало заботясь о том, ланкастерцы они или йоркисты. Он производит огромные конфискации. Он пытается создать новую аристократию. Он укрепляет финансовые ресурсы монархии, ведёт меркантилистическую политику, лично принимает участие в торговых предприятиях, добивается известных успехов во внешних отношениях. Нетрудно ответить на вопрос, на какие классы он опирался, политику каких классов он проводил, в интересах каких классов он подавлял и истреблял феодальную аристократию. Против Йорков ведут борьбу феодальные магнаты, притом безразлично как ланкастерцы, так и йоркисты. И Уорвик, и Бекингем, и Стенли были йоркистами. Необычайно характерно заявление Уорвика, передаваемое Полидором Виргинием, что Эдуард «*resolutely maketh more honorable account of new upstart gentlemen than of the ancyent howses of nobyltye; whereof either must the nobyltye destroy him or els hewyll destroy them*».

Восстание баронов при Ричарде III, битва при Босворте и новая смена династии ничего не изменили. Дело магнатов было проиграно. Тюдоры продолжали политику Йорков, опираясь на те же общественные группы. Но тут происходят крупные социальные перестановки, выходящие за рамки моей темы.

XIV и XV века являются временем глубочайшего кризиса английского феодализма, кризиса, принимающего внешнюю форму феодальной анархии, возвращения ко временам Стефана и Матильды. Этот кризис вызван глубокими переменами, которые происходят прежде всего в аграрном строе Англии; он вызван разложением феодально-вотчинного строя. Но рядом растёт и складывается новая, буржуазная Англия, порой бурно заявляющая о своём росте, но ещё слишком слабая, чтобы выступить как самостоятельная сила. Она пока возлагает надежды на сильную королевскую власть, способную и сокрушить «слишком сильных подданных» и подчинить складывающийся рабочий класс воле нанимателей. Англии предстоял ещё полторастолетний период феодального абсолютизма. Но те силы, которые совершили Великую буржуазную революцию XVII в., начали намечаться уже в XV веке.

³² Ср. особенно статью Н а w a r d W. в «Economic historical Review». April 1926.